

Независимая жур. - 2000 -
29 авг. - с. 7.

АРИСТОКРАТ ПО ДУХУ

Рой Андерссон: «Мне хорошо с Чеховым, Достоевским и Ильей Репиным...»

Анна Пясецкая

ГОСПОДИН АНДЕРССОН, вы когда-нибудь были в нашей стране?

— Я всегда любил Россию и мечтал глубже изучить русскую культуру. Приезжал в 1970 году. Целую неделю был гостем Московского кинофестиваля, куда привез «Историю любви». Поездка запомнилась на всю жизнь. «Баллада о солдате», «Дама с собачкой», «Судьба человека» — такие глубокие и любимые мной картины... Вспоминаю, как был в гостях у одного известного режиссера (его имя я, к сожалению, не помню), который был в восторге от французского кино и пытался мне доказать, что оно интереснее советского. А я доказывал ему обратное.

— А как вы относитесь к шведскому кинематографу?

— В большинстве своем шведское кино было и остается лишь развлечением...

— Чего не скажешь о ваших картинах...

— Я стараюсь совместить серьезное искусство и развлечение.

— Думаете, это возможно?

— Пытаюсь. Каждый художник хочет собрать широкую аудиторию. Нужно научиться балансировать, сохраняя вкус и снимая фильмы, понятные большинству. Подчас сделать это бывает крайне трудно.

— После «Гиллиапа» вы долго не снимали...

— Да. Но интересно, что тот период простоя психологически прошел для меня намного легче, чем успех, свалившийся после «Истории любви». Успех и аплодисменты, на мой взгляд, лишь опустошают душу. Тогда, после «Гиллиапа», Шведский институт кинематографии не давал мне денег на новые картины. В сложившейся ситуации я решил построить собственную студию. Стал снимать рекламные ролики, которые фактически сформировали мой художественный стиль.

— Чем вам интереснее заниматься — снимать полнометражные фильмы или рекламные ролики?

— В 70-е годы качество рекламных роликов находилось на высоком уровне. Тогда они только появились на телевидении. Сейчас реклама заполонила телеэкраны, и ее качество оставляет желать лучшего. Поэтому снимать их совсем не хочется.

— Большинство ваших героев противостоит толпе. А вы оказывались в подобной ситуации?

— Я не выступаю против толпы, я выступаю против тех, кто стоит у руля. А власть не любит оппозицию. Задача и обязанность художника — все время ее раздражать и задавать новые вопросы.

— Как художник в такой благополучной стране, как Швеция, может раздражать власть?

— Очень просто — делать карикатуры, писать памфлеты.

— А что вас раздражает в системе, в которой вы находитесь?

— Некомпетентность и непрофессионализм стоящих у власти. Их неадекватность. Они не интересуются вопросами руководства, они заботятся только о себе и своих деньгах.

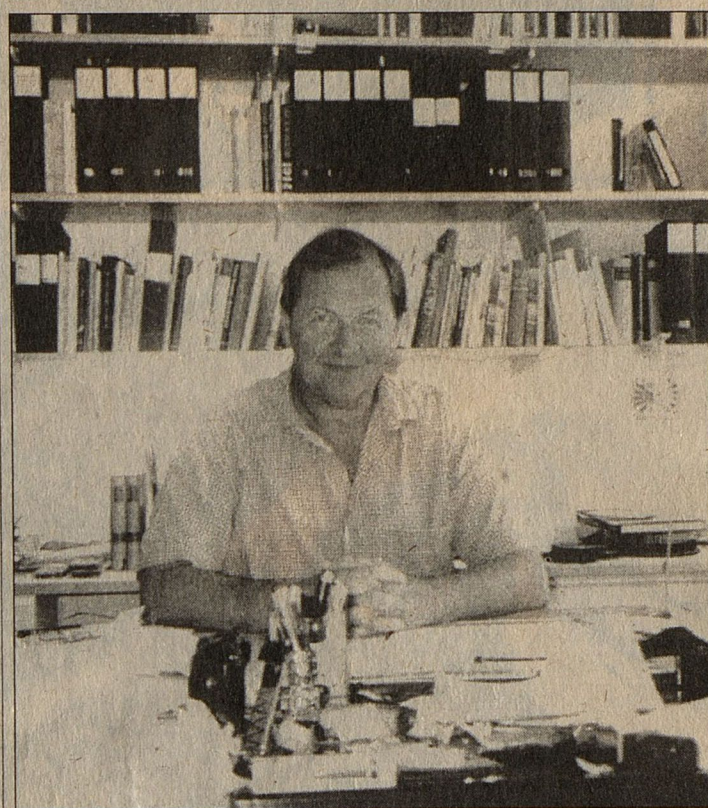
— Чувствуете ли вы сейчас давление стоящих у власти?

— Это не всегда вопрос умышленного давления, я бы назвал это давлением некомпетентности. Результатом некомпетентности и является давление.

— Но сейчас, после успеха на Каннском кинофестивале, к вам отношение поменялось?

— Да, но теперь я использую ситуацию, чтобы раздражать еще больше (смеется). Общество разделилось — у меня есть друзья, но есть и те, кто не разделяет мою точку зрения. Думаю, что мои

В Швеции его считают непризнанным гением. Да и он, похоже, этого не отрицает. За свою жизнь Рой Андерссон снял три полнометражные художественные картины, несколько документальных лент и множество высококлассных рекламных роликов. Его первый фильм «История любви» (1970) был отмечен публикой и критиками, зато второй — «Гиллиап» (1975) — воспринят прохладно. За свою последнюю картину «Песни со второго этажа» (2000) Рой Андерссон в этом году получил спецприз жюри Каннского кинофестиваля. После почти 25-летнего простоя в художественном кинематографе режиссер снимает оригинальную картину, выстраивая каждый кадр по законам графического фарса. Рой Андерссон и здесь остается верным себе — некоммерческий подход, никакой современной техники съемок, статичная камера, минимум монтажа, игра непрофессиональных актеров. «Песни со второго этажа» уже демонстрировались на XXII Московском кинофестивале. Премьера картины на родине мастера состоится лишь 6 октября.

Шведский режиссер Рой Андерссон.
Фото автора

«Песни со второго этажа» производят эффект разорвавшейся бомбы. Этот фильм должен быть интересен и молодым, и старым.

— Вы оптимист?

— Наверное, да. Я верю в человека и человеческие ценности. Пытаюсь в своих картинах показать, как нелепы законы, по которым мы живем, и как система может подавлять человеческие возможности. В результате нормальные люди превращаются в растерявшихся. Я намерен продолжать рассказывать о тех, кто унижает, — и о тех, кто ощущает себя униженным. Моя задача — предотвратить унижения.

— Почему вы выбрали тему растерявшегося человека?

— Я вырос в бедной семье. Родители мои переехали из деревни в Гетеборг, чтобы заработать на хлеб. Так получилось, что всю жизнь они прислушивались к богатым семьям. Не скрою, по своим убеждениям отец был коммунистом, мама разделяла позиции социал-демократов. Я вырос на этих идеях, они мне и сейчас близки, хотя членом партии я никогда не был. Во времена моего детства бедняки получали приличные социальные пособия, а их дети имели возможность учиться в хороших школах и гимназиях. Я принадлежу к первому поколению шведских бедняков, которые могли поступать в университеты. Перед глазами до сих пор такая картинка — чтобы добраться до школы, приходилось на трамвае переезжать из своего бедного района в дорогой. И когда я приезжал туда, мне страшно хотелось быть похожим на детей из высшего сословия. А вернувшись на этом

же трамвайчике обратно в бедный район, нужно было опять «перестраиваться». Парадокс — с одной стороны, я ненавидел этих детей, а с другой — мечтал быть на них похожим. Вскоре, преодолев себя, я понял, что аристократа по духу можно встретить и среди простого народа.

— Как вы оцениваете творчество коллег?

— Многие из них сознательно облегчают свою жизнь, берясь за заведомо коммерческие темы. Поэтому я не ожидаю от них многого, они слишком ленивы и безответственны.

— Как складываются ваши отношения с Ингмаром Бергманом?

— У него несколько иной взгляд на жизнь, он представитель иного социального слоя. Бергман поднимает вопросы, стоящие вне острых проблем общества, — это проблемы высшего класса с его вечными поисками Бога и любовными переживаниями. Он делает совсем другое кино. Мне же хорошо с Чеховым, Достоевским и Ильей Репиным (смеется).

— Есть ли у вас мечта, которая еще не сбылась?

— Я еще не достиг той режиссерской планки, которую себе наметил. Уверен — мог бы снять кино еще лучше. Верю, что смогу изменить язык нашей кинематографии, зажатой традициями английской драматургической школы. Режиссеру необходимо ощущать себя свободным от условностей, дружить с ассоциациями и создавать свободный кинематографический язык. Хочется делать «арт-кино», интересное для большой аудитории.

Стокгольм — Москва